

suensis) и новый подвидъ полевки (*Microtus flaviventris*), описанные тѣмъ же зоологомъ.

Погода въ февралѣ, который мы провели въ Чортэнтанѣ, стояла довольно порядочная, хотя и съ значительно преобладающею облачностью, въ особенности во второй половинѣ мѣсяца, когда кромѣ того воздухъ нерѣдко насыщался пылью, приносимой сѣверо-восточнымъ или юго-восточнымъ вѣтрами, періодически дувшими днемъ; по ночамъ же было постоянно тихо. Выпадавшіе по временамъ атмосферные осадки, въ видѣ снѣга, на солнцѣ скоро испарялись и очищали воздухъ. Минимальный холодъ доходилъ до -20° , хотя днемъ тепло постепенно увеличивалось: часовыя наблюденія 1-го, 11-го, 21-го и 29-го февраля были слѣдующія — 0, 4.2, 7.4 и 16° .

Какъ и всегда въ горахъ, лишь только скроется солнце, температура быстро падаетъ, и наоборотъ — повышается съ его восходомъ. По той же причинѣ почва сѣверныхъ склоновъ горъ сравнительно не скоро оттаиваетъ и зимній снѣгъ, подъ защитою древесной растительности, держится также довольно долго. Въ долинѣ же и на полуденныхъ скатахъ земная поверхность въ большинствѣ случаевъ была свободна отъ снѣга, который здѣсь исчезалъ или по мѣрѣ своего паденія или же немного позднѣе. Ледяной покровъ Тэтунг'а таялъ энергично; къ вечеру уровень этой рѣки повышался.

Въ особенно теплые дни, на солнцѣ, бѣгали по землѣ пауки и стали показываться мухи; появились кое-какія прилетныя птицы, мѣстныя же начали приступать къ играмъ, сопровождающимъ любовный періодъ. Почки у тополей надулись и къ концу мѣсяца распустились, наполнивъ воздухъ пріятнымъ запахомъ.

Отъ времени до времени мы имѣли свиданіе со старѣйшими ламами монастыря, среди которыхъ были и такіе, которые хорошо помнили меня еще со времени четвертаго путешествія Н. М. Пржевальскаго, когда я впервые увидѣлъ эти мѣста, полныя чарующей прелести. Благодаря любезности ламъ, я рискнулъ оставить при монастырѣ значительную часть багажа и почти всѣ собранныя до того времени коллекціи, что въ суммѣ составило до десяти порядочныхъ вьюковъ.

Во все время нашего пребыванія въ Чортэнтанѣ экспедиціонныя животныя — верблюды и лошади — паслись на лучшихъ пастбищахъ, въ ущельѣ, за 10—12 верстъ къ сѣверу отъ главнаго бивуака. Не смотря на отдыхъ, верблюды худѣли, такъ какъ горы Нань-шаня губительны для этихъ животныхъ по причинѣ отсутствія соли и обилія ядовитыхъ травъ. Въ силу этого обстоятельства большинство уста-